

Кугай Александр Иванович

НАЦИОНАЛИЗМ И ПОПУЛИЗМ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

Аннотация: *цель главы состоит в том, чтобы пролить свет на взаимное переплетение национализма и популизма, определить структурные и социально-психологические факторы, из которых возникают два дискурса. Национализм предстает – как не столько рациональное, а сколько эмоциональное явление, складывающееся из высших гностических чувств принадлежности психических процессов нашему «Я». Выделяют «банальные» и «горячие» формы национализма «Банальный» национализм можно определить, как психологическое присутствие нации на фоне повседневных социально-политических практик. Национализм в «горячем» смысле предстает как психологическая сила, создающая национальные государства или угрожающая стабильности существующих государств. Так же Популистские лозунги основаны на психологии завоевания той или иной политической силы доверия и поддержки масс. При этом реальные цели политиков-популистов (борьба за власть, бизнес-проект и обогащение), как правило, прикрываются социально привлекательными идеями. Стандартное популистское заявление: «Мы, простой народ, выйдем на улицу и вернем себе страну».*

Ключевые слова: *национализм, популизм, представительство, народный суверенитет, психология, дискурс национализма, дискурс популизма.*

Abstract: *the purpose of this chapter is to shed light on the interweaving of nationalism and populism, to identify the structural and socio-psychological factors from which the two discourses emerge. Nationalism is to come - as not so much a rational, but rather an emotional phenomenon, consisting of higher gnostic feelings of the belonging of mental processes to our "I". There are "banal" and "hot" forms of nationalism "banal" nationalism can be defined as the psychological presence of the nation against the background of everyday socio-political practices. Nationalism in the "hot"*

sense is to be as a psychological force that creates nation-states or threatens the stability of existing states. Also, Populist slogans are based on the psychology of winning one or another political force the trust and support of the masses. At the same time, the real goals of populist politicians (struggle for power, business project and enrichment), as a rule, are covered with socially attractive ideas. Standard populist statement: "We, the common people, will take to the streets and take back the country."

Keywords: *nationalism, populism, representation and popular sovereignty, psychology, discourse of nationalism, discourse of populism.*

Введение

Цель главы состоит в том, чтобы пролить свет на взаимное переплетение национализма и популизма, определить структурные и социально-психологические факторы, из которых возникают два дискурса. Национализм предстает – как не столько рациональное, а сколько эмоциональное явление – удивительное чувство, вербально произнесенное, поскольку «мысль изреченная – есть ложь и лицемерие. Неслучайно, аллегорией нации признан образ Венеры, описанный Кристофером Уильямсом в картине «Пробуждение Уэльса». Национализм обусловливается гностическими чувствами, складывающимися из представлений и эмоций принадлежности психических процессов нашему «Я». Выделяют «банальные» и «горячие» формы национализма «Банальный» национализм можно определить, как психологическое присутствие нации на фоне повседневных социально-политических практик. Национализм в этом «горячем» смысле предстает как психологическая сила, создающая национальные государства или угрожающая стабильности существующих государств.

Подобно национализму, популизм так же основан на психологии – на психологии завоевания той или иной политической силы доверия и поддержки масс. При этом реальные цели политиков-популистов (борьба за власть, бизнес-проект и обогащение), как правило, прикрываются социально привлекательными идеями. Стандартное популистское заявление: «Мы, простой народ, выйдем на улицу и вернем себе страну».

В 1969 году Ангус Стюарт назвал популизм «разновидностью национализма» [3], однако путаница между национализмом и популизмом сохраняется как в академическом, так и в популярном дискурсе. Политические события описываются как «национализм» [11] «неонационализм» [16] и популизм» [17] Почему национализм и популизм так безнадежно переплетены? Как они относятся друг к другу?

Центральное утверждение этой статьи состоит в том, что национализм и популизм возникают структурных противоречий современного государства и проблем политической легитимации, которую порождают эти противоречия. Вместе взятые, национализм и популизм составляют идеологическую матрицу, в рамках которой разворачивается современная политика.

Ученые, рассматривающие национализм и популизм бок о бок, удивительно редки и распадаются на два перекрывающихся кластера. В первом кластере горстка ученых стремилась различать правый и левый варианты популизма. В этом контексте было высказано предположение, что определяющей чертой правого популизма является национализм, а не популизм, и что термин «популизм» следует использовать для левых движений [22].

Второй кластер литературы предлагает гораздо более многообещающий путь вперед. Национализм сосредоточен на горизонтальной оси входа/выхода, тогда как популизм сосредоточен на вертикальной оси вниз/вверх [7] Другими словами, популизм и национализм обладают различной «дискурсивной архитектурой», посредством которой они конструируют и разграничивают политическое пространство.

Популизм и национализм возникает из сочетания двух политических принципов в контексте современного государства: принцип политического представительства и принцип народного суверенитета. Результатом этого союза является крайне дихотомическое понимание политики, сосредоточенной на пространственном отделении суверенного народа от центров власти внутри ограниченного государства. Из-за этого пространственного расхождения между обще-

ством и государством функционирование современной политики требует двойного шага: во-первых, суверенный народ должен быть идентифицирован, а во-вторых, суверенный народ должен быть вновь представлен во властных органах. Дискурсивная логика национализма выполняет первое из этих движений, в то время как популизм выполняет второе.

Помещенные в исторический контекст, национализм и популизм проявляются не как политические программы или идеологии, которые поддерживают определенное видение общества, но как двойная логика, которая очерчивает и узаконивает саму современную политическую арену: национализм, занятого идентификацией суверенного народа, а популизм – представлением народа в органах власти [9].

Представительство и народный суверенитет

Структурное объяснение неопределенности популизма и национализма можно найти в их тесных отношениях с современным государством: популизм и национализм не озабочены определенным видением общества, а легитимацией политической арены, созданной современным государством.

Двуствольный характер является отражением двух столпов, которые структурируют современную политическую арену: принцип политического представительства и принцип народного суверенитета. Появление обоих принципов неотделимо от возникновения современного государства. Более того, оба принципа вращаются вокруг конститутивной апории – своего рода сбоя на современной политической арене. И именно этот глюк порождает популизм и национализм как дополнительные легитимирующие идеологии: без популизма и национализма современная политическая арена распалась бы прежде, чем смогла бы сформироваться.

Как политический принцип концепция представительства возникает в начале Нового времени. Связь между представительством и государством заключается в дихотомизации социально-политического пространства: государство пронизывает и структурирует социальную сферу по своему образу и подобию, но в то же время стоит вне общества как самостоятельная единица. Современное

государство «разъединяет общество и правительство и встраивается в созданное таким образом пространство».

По сути, идея репрезентации предполагает существование «двух уровней игры»: поле представляемых, и поле тех, кто действует от их имени в качестве их представителей» [8, с. 81]. В контексте современного государства этими двумя уровнями являются общество и правительство. Практика политического представительства активизирует связь между государственными институтами и обществом. Однако есть еще один ключевой элемент в логике репрезентации, который усложняет эту картину: репрезентация не только предполагает существование двух уровней игрового поля, но и наличие промежутка между этими уровнями, которое предотвращает схлопывание одного в другое. В результате представители никогда не могут быть тождественны представляемому [2]. «Репрезентация» подразумевает, что что-то должно присутствовать, чтобы быть «репрезентованным», но также отсутствует для того, чтобы быть «перепредставленным» [12, с. 93]. К тому же, здесь важен социально-психологический фактор. К примеру, население штата Техас не понимает население штата Джорджия. Именно в этом неотъемлемом недостатке/избытке, обеспечивающем возможность постоянного соперничества, заключается в демократический потенциал представительства.

Таким образом, принцип политического представительства должен дополняться принципом народного суверенитета, выступающим своего рода «регулирующим принципом» [18]. Характерно, что история как национализма, так и популизма совпадает с историей народного суверенитета. Раньше политическая легитимность могла проистекать из ряда различных источников, включая божественное право, королевскую кровь, завоевание, наследство и феодальную верность, но то, что разделяло все эти досовременные теории легитимности являлась негативная презумпция того, что легитимность не имеет ничего общего с теми, кто правил. Массы были исключительно объектом, а не источником политической власти. Ситуация начала меняться в период Нового времени, когда тер-

мин «люди» ранее означавший «чернь» или «плебс» трансформируется в понятие «нация» (который ранее означал сообщество иностранцев), сливаясь воедино в новой идее уникального и суверенного человека. Сегодня легитимность любого государства – демократического или авторитарного – зависит от его способности претендовать на то, чтобы представлять определенную нацию.

Подобно принципу политического представительства, принцип народного суверенитета характеризуется конститутивной апорией. С одной стороны, современные политические единицы ограниченные территориальные образования с идентифицируемыми границами. Энтони Гидденс описывает современное государство как «контейнер власти с границами» [4]. Следовательно, легитимность современного государства требует, чтобы границы суверенных людей четко были определены и разграничены. С другой стороны, существует неумолимая «пограничная проблема» в демократической теории, а именно то, что границы суверенного народа не могут быть демократически определены самим народом: *demos* в принципе неограничен» [5].

Таким образом, на практике функционирование современной политики требует двух «невозможных» – и, следовательно, обязательно идеологических – шагов. Во-первых, для государя, чтобы люди были доступны для представительства, их личность должна быть разграничена и определена. Во-вторых, для осуществления воли суверенного народа через политическое правление, место в органах власти должна быть занята их представителями: суверенный народ должен быть представлен в правительстве. Национализм и популизм являются именами, данным этим двум идеологическим движениям: популизм – это «вертикальное» представление воли суверенного народа в органах власти, а национализм – «горизонтальное» определение того, кто является суверенным народом.

Психология и дискурс популизма

Популизм – двусмысленный термин. Первое – это просто риторическая стратегия, психологическая категория, которая взывает к людям и влечет за собой «заметную демонстрацию близости к (обычным) гражданам» [15, с. 322]. Популизм в этом «тонком» смысле фактически психологическая характеристика

современного политического дискурса. Ведь обращение от имени людей является «хронической и повсеместной практикой» в наше время. Популистские лозунги основаны на психологии завоевания той или иной политической силы доверия и поддержки масс. При этом реальные цели политиков-популистов (борьба за власть, бизнес-проект и обогащение), как правило, прикрываются социально привлекательными идеями. Стандартное популистское заявление: «Мы, простой народ, выйдем на улицу и вернем себе страну»

Напротив, «полное» проявление народничества влечет за собой построение вертикального антагонизма между народом и элитой, сопровождающейся гомогенизацией народа как единого актора.

Популистский дискурс структурирован вокруг двух узловых точек: народа и элиты. Эти узлы могут обозначаются разными сигнификаторами, такими как «обычные люди» или «человек с улицы» – для народа и «истеблишмент» или «правлящий класс» – для элиты. В окончательно обособленном виде – две однородные и антагонистические группы: «чистые люди» против «коррупцированной элиты». Однако в популистской ссылке на народ есть существенная проблема: популистский призыв «вернуть политику народу» эксплуатирует двусмысленность: «народ» сначала понимается в противопоставлении не всему населению, а власти имущим, а затем расширяется, чтобы обладать властью суверенного народа в целом. Проще говоря, популисты утверждают, что «часть народа является народом». Эта конститутивная двусмысленность означает, что популизм на самом деле не является феноменом, направленным против элиты как таковой. Основное недовольство популистов скорее в том, что элита не отражает волю народа. Точно так же популисты по своей сути не выступают против технократии, институтов, чтобы показать близость к людям. Против чего действительно выступают популисты, так это – против разрыва представительства, отделяющего народ от власти. Популисты практикуют «политику непосредственности», которая стремится свести к минимуму дистанцию между сувереном, людьми и их представителями. Стремлением к непосредственности также объясняется близость связи между популизмом и харизматическим лидерством:

не только частичная группа претендует воплощать в себе весь народ, но фигура вождя, в свою очередь, служит единственным воплощением частичной группы [6].

В пространственных терминах двусмысленность между частью и целым означает, что популизм может действовать как сверху-вниз, так и снизу-вверх: популистская логика может проявляться не только как народное протестное движение, в котором простые люди выступают против несправедливости, но и как демагогический авторитарный режим, обращающийся непосредственно к народу, как ресурсу своей легитимности. Популизм не только противостоит тем, кто находится на вершине социальной иерархии, но и может быть направлен против тех, кто «находится на дне общества: преступников, иностранцев, спекулянтов», и извращенцам, угрожающим чистоте народа. Эти низшие группы изображаются паразитами или тунеядцами, наркоманами или девиантами, бесчинными или опасными, недостойными пользы и недостойным уважения. В любом случае, независимо от того, является ли «другой» расположенным выше или ниже народа, популизм заключается в публичном «выставлении напоказ» идентичности «аутентичных» или «подлинных» или «истинных» людей [19].

Психология и дискурс национализма

Национализм – не столько рациональное, а сколько эмоциональное явление – удивительное чувство, вербально произнесенное, поскольку «мысль изреченная – есть ложь и лицемерие. Неслучайно, аллегорией нации признан образ Венеры, описанный Кристофером Уильямсом в картине «Пробуждение Уэльса». Национализм обуславливается гностическими чувствами, складывающимися из представлений и эмоций принадлежности психических процессов нашему «Я». Выделяют «банальные» и «горячие» формы национализма «Банальный» национализм можно определить, как психологическое присутствие нации на фоне повседневных социально-политических практик. «Метонимический образ банального национализма – это не флаг, который развешивается, или которым сознательно размахивают с пылкой страстью; это флаг, незамеченный публикой. Как и в случае с «тонкими» формами популизма, «банальные» формы национализма

являются универсальной особенностью современного дискурса и практики. Напротив, «горячий» национализм создает явный антагонизм между инсайдерами и аутсайдерами, который бросает вызов существующим конфигурации нации и государства. Национализм в этом «горячем» смысле можно определить, как психологическую силу, создающую национальные государства или угрожающую стабильности существующих государств. Эрнест Геллнер утверждает, что национализм в основном касается соответствия нации и государства [13].

Признание дихотомической структуры национализма помогает объяснить колебания термина «нация» между двумя разными значениями: нация как нация-государство и нация как население [1]. В результате национализм, как и популизм, распадается на две основные формы. Признание дихотомической структуры национализма помогает объяснить колебания термина «нация» между двумя разными значениями: нация как нация – государство и нация как люди.

С одной стороны, есть контргосударственный национализм, стремящийся предоставить нацию, собственное государство путем перекраивания политических границ; это может быть достигнуто путем завоевания, отделения или политического объединения. С другой стороны, существуют «государственные» национализмы, стремящиеся гомогенизировать существующие территории государства посредством национализирующих мер, таких как ассимиляция, изгнание, пограничный контроль. Таким образом, контргосударственный национализм национального меньшинства может совпадать с государственным национализмом существующего национального государства, которое меньшинство считает своей родиной [20].

Популизм и национализм

Популизм и национализм очень похожи друг на друга по своей дихотомической структуре. Эта структура является логическим следствием пространственного разделения суверенного народа и органов власти, которое существует в современном государстве. И национализм, и популизм проявляют парадоксальную логику, согласно которой этот разрыв между народом и местом власти бы-

вает открытым и закрытым. Таким образом, популизм заключается как в построении антагонизма между народом и властью имущими, так и в устранении этого противоречия посредством преодоления антагонизма через представление народа в органах власти. Сходным образом, национализм заключается как в антагонизме между нацией и государством, так и в устранении этого антагонизма через построение конгруэнтного национального государства.

Для аналитической ясности можно выделить три основных компонента популистского и националистического дискурса: направленность, поляризация и интенсивность.

Первый компонент относится к тому, сформулированы ли национализм или популизм как статус-кво – дискурс, стремящийся укрепить существующий политический порядок, или как ревизионистский дискурс, который пытается оспорить этот порядок. В случае национализма ориентация находится в отношении государству; в случае популизма ориентация связана с политическим режимом. Популизм касается легитимности режима, тогда как национализм касается государственной легитимности. Легитимность режима касается «уместности или законности правления конкретного человека, клики или администрации», тогда как легитимность государства связана с «оправданием самого политического единства».

Второй компонент популистско-националистического дискурса – поляризация – относится к построению антагонистической границы между суверенным народом и истеблишментом. Для популизма осью антагонизма является вертикальный вектор, тогда как для национализма эта ось горизонтальна. В «тонких» или «банальных» проявлениях популизма и национализма, противопоставление себя/другого скрыто в рутинной маркировке народ и нация в дискурсе и практике. Как при национализме, так и при популизме артикуляция становится «гуще» или «горячее», антагонистическая граница становится более выраженной, а конкретные «другие» выделены для исключения.

Третьим компонентом является интенсивность. Усиление популизма ведет к плюралистическому видению политики, характеризуется посредническими институтами, такими как политические партии, институты гражданского общества. Решающее различие между национализмом и популизмом заключается в отношении между всеобщим и частным, что диаметрально противоположно.

Национализм полагает конкретный народ или нацию в качестве отправной точки и связывает это с потенциально универсальным пониманием места силы (государства).

В противоположность этому популизм принимает конкретное место силы (конкретный политический режим, конкретную элиту или конкретный набор институтов) в качестве отправной точки и сочетает это с потенциально универсальным понятием народа: идентичность народа не предопределена, а определена в отношении к месту силы. В то время как национализм начинается с определенного народа, популизм начинается с конкретного места силы.

Национализм связан с техниками исключения, в то время как популизм связан с антагонизмом. Основное концептуальное различие между националистическим исключением и популистским антагонизмом может быть теоретически обоснованным, но это упускает из виду тот факт, что на практике они сходятся: антагонизм влечет за собой исключение, а исключение влечет за собой антагонизм. Усиление популистской логики влечет за собой процесс гомогенизации и поляризации, в результате которых граница исключения разделяет общество на два лагеря. Таким образом, разница между национализмом и популизмом заключается в отправной точке, а не в результате.

С одной стороны, национализм начинается с исключительного понятия нации и исходит из антагонизма между нацией и государством: «невозможная» цель националистического проекта состоит в том, чтобы преодолеть этот антагонизм и создать единое национальное государство.

С другой стороны, популизм начинается с постулирования антагонизма между народом и элитой и продолжается отсюда исключить ту часть, которая

исключает их эквивалентность: «невозможная» цель популистского проекта заключается в прямом представлении воли народа в органах власти посредством исключения части населения «сверху» (части коррумпированной элиты) и/или «снизу» аутсайдеров и маргиналов. В обоих случаях антагонизм и отчуждение в конечном счете объединяют усилия в стремлении построить унитарное и однородное национальное государство.

Соответственно, популизм и национализм – это две нити одной и той же логики идентичности. Это – логика тождества, которую Лаклау называет «логикой эквивалентности», влечет за собой построение тождества «Я» в противопоставление исключенному «Другому» [14].

Причиной расщепления логики идентичности на две вспомогательные логики национализма и народничества является различие государства и общества, что влечет за собой разрыв суверенитета между народом и местом силы – с одной стороны, суверенитета, пребывающего в месте силы государства – с другой стороны. Учитывая это пространственное расхождение между государством и обществом, процесс построения однородного национального государства может быть начато с двух разных направлений: национализм заключается в идентификации определенного народа и предоставлении этому народу собственного суверенного государства, а популизм – это оценка легитимности власти и представление в ней места суверенному народу. Однако даже если эти идеально-типические формы популизма и национализма концептуально различимы, они неразделимы. На практике популизм и национализм требуют друг друга, потому что желаемое суверенное единство народа и место власти, установленное современным государством может быть осуществлено только через идентификацию людей (национализм) и их воплощение на месте власти (народное представительство). Национализм не является внешней контаминацией популизма, а есть внутреннее его дополнение, которое ему сопутствует с самого начала.

Заключение

Политика в современную эпоху была основана на браке политического представительства с народным суверенитетом – браком, освященным территориальным государством. В структурном плане, главным итогом этой исторической связи стала пространственная сегрегация суверенитета людей и «места силы». Благодаря такому дихотомическому структурированию современной политической арены, функционирование современной политики требует двух идеологических движений: во-первых, суверенный народ должен быть идентифицирован сполитической и социально-психологической стороны, во-вторых, суверенный народ должен быть вновь представлен на «месте силы». Национализм соответствует первому из этих ходов, а популизм соответствует второму.

Национализм и популизм – два различимых, но неразделимых столпа-близнеца современного публичной политики. Одновременный акцент на различимости и неразделимости имеет решающее значение. Этот позволяет избежать не только распространенного смешения национализма и популизма, но также и чрезмерно упрощенного и необоснованного утверждения о том, что связь между ними просто неустойчивая конструкция, случайная, исторически обусловленная артикуляция. Из этого рассуждения следует как минимум три вывода.

Во-первых, общее структурное происхождение национализма и популизма означает, что эти два явления внутренне переплетены. Даже если можно четко разграничить идеально-типическую логику национализма и народничества, они не могут быть полностью отделены друг от друга.

Второй и связанный с ним вывод, что и национализм, и популизм гораздо более распространены в современной политической теории и практике, чем обычно признается. Наряду с живучестью «банального» национализма необходимо признать почти повсеместное присутствие «тонкого» популизма. По мере того как политика выходит за рамки, установленных современным государством, национальный уровень утрачивает свою прежний статус привилегированного места политической деятельности. В связи с этим интенсификацию национализма и популизма можно рассматривать как попытку утвердить современное государство как привилегированное место политической жизни.

Список литературы

1. Кугай А.И. Проблема нациестроительства в свете концепции М.В. Ломоносова / А.И. Кугай // Управленческое консультирование // Управленческое консультирование. – 2012. – №2 (46). – С. 32–38.
2. Кугай А.И. Избирательные квоты и политическая конкуренция / А.И. Кугай // Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 мая 2021 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.] – Чебоксары: Среда, 2021. – С. 248–250.
3. Angus Stewart, The Social Roots', in Ghita Ionescu and Ernest Gellner. Populism: Its Meanings and National Characteristics. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969, pp. 180–196.
4. Anthony Giddens, The Nation-State and Violence: Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity, 1985.
5. Arash Abizadeh, On the Demos and Its Kin: Nationalism, Democracy, and the Boundary Problem, The American Political Science Review, 106. 2012, pp. 867–882.
6. Andrew Arato, Political Theology and Populism, in Carlos de la Torre (Ed.) The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives. Lexington: University Press of Kentucky, 2015, pp. 31–58,
7. Benjamin De Cleen, Populism and Nationalism in Cristóbal Rovira Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa Espejo, and Pierre Ostiguy (Eds) The Oxford Handbook of Populism. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 342–362.
8. Benjamin Ardit, Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics, in Francisco Panizza (Ed.) Populism and the Mirror of Democracy (London and New York: Verso, 2005), pp. 72–98.
9. Ben Stanley, The Thin Ideology of Populism, Journal of Political Ideologies, 13. 2008, pp. 95–110.
10. Benjamin Ardit, Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics and the Mirror of Democracy (London and New York: Verso, 2005, pp. 72–98.
11. Cas Mudde, The Populist Zeitgeist, Government and Opposition, Published online by Cambridge University Press: 28 March 2014, pp. 542–563.

-
12. David Runciman, The Paradox of Political Representation, *Journal of Political Philosophy*, 15. 2007, pp. 93–114.
  13. Ernest Gellner, *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell, 1983.
  14. Ernesto Laclau, *Populism: What's in a Name? Populism and the Mirror of Democracy*. London and New York: Verso, 2005, pp. 32–49.
  15. Jan Jagers and Stefaan Walgrave, *Populism as Political Communication Style: An Empirical Study of Political Parties' Discourse in Belgium*, *European Journal of Political Research*, 46. 2007, pp. 319–345.
  16. Maureen A. Eger and Sarah Valdez, *Neo-Nationalism in Western Europe*, *European Sociological Review*, 31. 2015, pp. 115–130.
  17. Michaelangelo Anastasiou, *Of Nation and People: The Discursive Logic of Nationalist Populism*, *Javnost – The Public*, 26. 2019, pp. 330–345.
  18. Nadia Urbinati, *Representative Democracy: Principles and Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.
  19. Pierre Ostiguy, *Populism: A Socio-Cultural Approach*, in Cristóbal Rovira Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa Espejo, and Pierre Ostiguy (Eds). *The Oxford Handbook of Populism* Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 73–98.
  20. Rogers Brubaker, *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 55–76.
  21. Tim Dean, *Two Kinds of Other and Their Consequences*, *Critical Inquiry*, 23. 2000., pp. 910–920.
  22. Yannis Stavrakakis and Giorgos Katsambekis, *Left-Wing Populism in the European Periphery: The Case of SYRIZA*, *Journal of Political Ideologies*, 19. 2014, pp. 119–142.
-

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Санкт-Петербург.
